

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044  
9 770131 604002

# РОМАН №16 ГАЗЕТА

*Анна Козырева / Ищите и обряцете...*





## КОЗЫРЕВА Анна Александровна

Родилась в г. Краснокамске на Урале. Детство и юность писательницы прошли в Перми. Окончила Литературный институт им. М. Горького и сценарный факультет ВГИК. Работала редактором, литературным консультантом, журналистом. Печаталась в журналах «Дружба», «Вожатый», «Молодая гвардия»; еженедельниках «Московский строитель», «Домострой», альманахе «Русское эхо», журналах «О, Русская земля!», «Русский дом», «Роман-газета для детей».

Анна Козырева член Союза писателей России. Живет в Москве.

## Памяти Ирины Николаевны ПЛАТОНОВОЙ

(25.07.1949–14.06.2021)

Выпускница филфака Белорусского государственного университета, Ирина Платонова оставалась верна своему призванию более сорока лет.

Красивая, яркая, умевшая отстаивать свою позицию, безупречно справедливая в оценках литературного материала, который ложился на ее редакторский стол, она была профессионалом высшего класса по самому строгому счету. Ее авторитет у коллег, прежде всего московских редакторов, оставался неизменным. Даже когда она оставила службу и переехала на родину своих родителей в Могилёв, с ней советовались, к ней обращались за поддержкой ее прежние авторы, именитые и не очень.

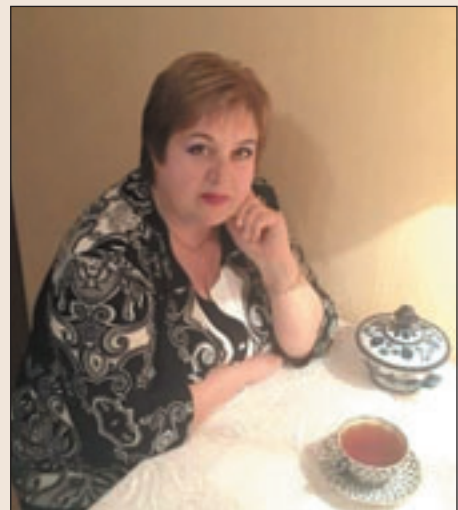
Ее неожиданная смерть даже сейчас, когда пройдены и девятый день, и сороковой, эта утрата не укладывается в сознание.

Еще недавно мы поздравляли друг друга с Днём Победы и 30-летием нашего содружества в «Роман-газете». Она скучала по Москве, по любимой Тарусе, надеялась, «когда это всё кончится», приехать к себе в московскую квартиру и посидеть с нами за чаем и длинными разговорами о литературе, театре, музыке, выставках... Театралкой оставалась она и в Беларуси. Ездил на спектакли в Минск и Витебск. Путешествовала по рекам Полесья и старинным белорусским городам.

Четверть века проработала Ирина Платонова-Вититнёва в «Роман-газете». Десятки номеров журнала — это ее вклад в культурное наследие нашего народа. Принимала активное участие в двух литературных проектах: альманахе «Бежин луг» (его 24 выпуска — уникальное издание по возвращению в читательское поле России писателей Русского зарубежья) и журнал «Детская Роман-газета», успешно перешагнувший в наши дни.

Горько наше прощание, но память о нашей Ире, светлой, талантливой, преданной своему делу и своим друзьям, пребудет с нами навсегда. Скорбим.

*Коллектив и Редколлегия «Роман-газеты»*





Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

# РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

**Учредитель и издатель**  
ООО «Роман-газета»

**Главный редактор**  
Юрий Козлов

**Редакционная коллегия:**

Дмитрий Белюкин  
Алексей Варламов  
Анатолий Заболоцкий  
Владимир Личутин  
Юрий Поляков

**Ответственный редактор**  
Елена Русакова

**В оформлении обложки**  
использована  
фотография Анатолия  
Заболоцкого

Права  
на использование  
товарного знака  
«Роман-газета»  
принадлежат  
ООО «Роман-газета»  
© ООО «Роман-газета», 2021  
Все права защищены  
Журнал зарегистрирован  
в Министерстве связи  
и массовых коммуникаций РФ.  
Свидетельство о регистрации  
ПИ № ФС77-68350  
от 30.12.2016 г.

Подписаться  
на журнал «Роман-газета»  
можно в отделениях связи  
и через Интернет:  
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные  
индексы издания:**

в объединенном  
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может  
не совпадать с позицией  
редакции

2021 №16 /1885/ Основана в 1927 г.

*Анна Козырева*

## Ищите и обрящете...

*Повесть*

*...ибо всякий просящий получает, и ищущий находит...*  
(Мф. 7:8.)

### У САМОГО СИНЕГО МОРЯ

Завечерело.

Синью загустело широкое небо, и солнце, скатываясь вниз по небесному своду, вспыхнуло жарко и пунцовым шаром зависло над дальним краем неоглядно бескрайнего моря. И вот, сделав затяжной вдох-выдох, оттолкнулось уставшее светило от морской глади и упало в покрасневшие воды.

Солнце исчезло. Оставило по себе лишь закатное копие, насквозь прошившее небеса, где нехотя гасли высокие, тонкие облака, щедро подсвеченные червонным золотом-серебром зыбкого марева.

И вспыхнула вечерница... следом появилась другая... вот и следующая голубая звезда остро блеснула в вышине... А душа, раздваиваясь меж небом, погружающим-ся в синь-глуботу, и землёю, замирающею в зыби истлевающих красок, онемела.

Недолго боролась тьма со слабеющим светом. Прошло и недавнее опьянение закатом. Уплотнились сумерки, и окончательно стихло над опустевшим морским побережьем. Вечерний вал-плеск из волн нагонных и волн отбивных итожил угасающий день, да слабым эхом недавнего заката вздрагивало пламя костерка, спешно запалённого у кромки воды.

Плотно укрылся черным пологом дольний мир. Вот и луна украдкой поднялась из-за моря и потянулась всё выше и выше, где звёздная россыпь сбивалась в причудливые силуэты.

Костерок, живо разгоревшись, потрескивал искрами, что назойливой мошкой толклись в уплотнившемся воздухе огнистыми столбиками. И трепал, трепал короткими рывками ветер сизый дым, газовым шлейфом вытянувшийся к потемневшей воде, где плоскотелой, серебристой рыбицей вольно плескалась луна.

На камне-голыше, утонувшем в песке, сидел, ссутулившись, тихий и подавленный человек, в изножию которого, затянувшись тугим узлом, затаилась чёрная тварь. Медленно тянул мужчина из армейской кружки гретое вино, старательно приглушая ноющую тоскливо душу. Допил. Кружку бережно поставил на песок, где стояла узкогорлая, ополовиненная бутылка темно-зеленого стекла.

Встал и замер в неуклюжей позе, с усилием разминая занемевшие от неудобного сидения ноги, однако, справившись со стреножившей движение немощью, глубоко выдохнул и решительно стал потрошить содержимое карманов широкополого пальто. Извлекаемое содержимое, как сор, летело в огонь. Достал плоское портмоне. Вытянул было руку вперед — только задержал на весу и, повертев задумчиво туда-сюда, медленно открыл, оценил наличность, бросил его на камень: змея, не разжимая узла, мгновенно сверкнула в темноте стеклянными кругляками маленьких глаз.

Мужчина повторно проверил карманы — пусто. Из внутреннего кармана вытянул паспорт и, не глядя, бросил в костёр, однако резко выхватил его из пламени: огонь успел лишь лизнуть шероховатую кожу обложки. Отряхнул легкий сор и положил паспорт под портмоне.

Наклонился. Медленно снял туфли. С трудом стянул с ног носки, каждый из которых бросил в огонь. Приготовился бросить и туфли — передумал и аккуратно поставил их у камня.

Сердце учащённо билось, и он поспешил спасительно выплеснуть остатки вина в кружку и, теперь уже не подогревая, залпом влил в себя.

Резко отбросил порожнюю кружку вниз: оглушительный звук расколовшейся на крупные осколки бутылки спугнул глухую тишину — из-за камня вытянула узкую голову затаившаяся тварь.

Человек, осторожно ступая босыми ступнями по растерявшему недавно тепло песку, опасно подошёл к кромке воды и, выждав чуть-чуть, решительно ступил в воду: вздрогнул всем телом. Только вздрогнул не оттого, что по голым ногам ударило легким ознобом, а оттого, что мимо, вытянув упругое, блестящее тело-жгут, проползла юркая змея и, не нарушая тихого плеска волн, рисующих пенную кромку по урезу воды, исчезла. Жутко и тягостно...

Торопливо вернулся мужчина к костру. Костёр догорал. Короткие языки пламени, теряя огневую мощь, вздрагивали синей сердцевиной и метались в пустых поисках желанной поживы.

Большим бутылочным осколком сгрудил выгоревшее нутро небольшого костерка: огонь вдруг вспыхнул с новой силой. Острое ожившее пламя притягивало взор, — и человек неотрывно смотрел, как, пританцовывая на нищем торжище, огонь терял мощь и скоро исчез в тлеющих ало углях.

«По-пионерски» старательно мужчина затушил костерок: под струёй угля зашипели и, чихнув белёсым паром, затухли. Густой чернильной жижей хозяйка-ночь обильно залила недавний пятачок живого огня. Глухо и темно.

Затянулось из набежавших туч плотным пологом небо, и знобко терзал грудины сердечный хлад. Мужчина снял пальто и, тщательно свернув его, аккуратно положил на камень-голыш. Напоследок, словно

прощаясь перед дальней дорогой, торопливо придавил его поглаживающим жестом дрогнувшей рукой и медленно-медленно пошёл в сторону моря.

С ходу решительно перешагнул невидимую в густой темноте линию берегового уреза и осторожно вступил в чёрные воды, где, верилось, таилась бесконечная глубь-пустота. Скользили по песчаному дну камни-окатыши: больно кололи голые ступни, — но человек шёл и шёл по мелководью вперед, и набухали, обтянув мокрой тканью икры худых ног, тяжелой солёной влагой брючины.

Сомкнув прошлое и настоящее, чтобы уже вовсе без будущего, человек упорно прокладывал себе глубоко-далече путь-дорожку, а над морем, уплотняя отражением поверхность зыбких вод, громоздились тёмные облака.

И тишина. Глубокая тишина повсюду. Притихло до немоты и море.

Только обманчивой оказалась та немота. Нехотя выждав короткую паузу, притихшее было до немоты море враз неприветливо зашумело. Вскипело пенными накатными валами. Навалилось угрожающе высокими волнами.

Человек вынужденно остановился и, с усилием упираясь ослабевшими ногами в подвижный песок, знобко поёжился от сырого воздуха. Оглянулся назад: слабым контуром обозначился оставленный берег, однако, упорно сопротивляясь волне, упрямо сделал следующий шаг вперед...

Оборвалась глухая напряжённая тишина, и сквозь усиливающийся шум волн, пробился неясный звук. Невольно наострив уши, человек напрягся слухом: слабый одиночный звук отчетливо просочился холодным голосом: ты где?.. иди!.. иди...

Мужчина резко остановился. Машинально дотронулся мелко дрогнувшей рукой до груди: под белым полотном рубашки прощупывался нательный крестик — и раскачиваемый волной замер.

Он видел, как к нему, вздымаясь гибким нагим телом над накатистыми волнами и разрывая тяжёлую плоть облачных отражений, легко взлетали белые воздушные руки невидимого пловца... скорее пловчихи...

Вялое лицо человека отразило смутную печаль. Растерянно и беспомощно оглянулся на берег, где дотлевал костерок, а впереди, куда шел по воде, двоилось перед глазами: руки... руки... две пары рук... четыре пары... ещё и ещё... — и все манят к себе... зовут-засывают... вот-вот миг-другой и будут рядом... И всё яснее и яснее, всё ближе и ближе звучит неземной голос... голос, усыпляющий сознание...

Знобко вздрогнулось всем телом, и холодит под ложечкой, в подреберье. Странно: стоит по колено в воде, а холодно — сердцу...

Меж тем сквозь вязкую тяжесть в ушах пробивался новый звук, разрастающийся до призывно-требовательного зова, и текучий ветр-полуночник

донёс громкий мощный всплеск: разбивая мириады звездных отражений на водной глади, невдалеке вынырнул большой дельфин.

А руки исчезли... скрылись в волнах, как будто и не было их вовсе никогда... Лишь гаснущим эхом прозвучал недовольный выкрик: иди-и... сюда-а... ну что же-е ты-ы... И только тут человек обнаружил, что вспыхнуло над ним в одночасье очистившееся от громоздких туч небо. Высветилось яркими звёздами. Появилась и пленница-луна. Накопившимся в недавнем заточении синь-светом обильно залило весь дольний, затаившийся в ночи мир.

Отливающее тусклым серебром мокрое тело дельфина то легко вздымалось над волнами, то круто падало под воду, а навстречу ему, отозвавшись на зов-призыв, из дали дальней, из глуби глубокой плыл другой дельфин... скорее другая... его подруга с длинным узким туловом, отражающим синь-серебро лунного света.

Дельфины встретились. Приветливо ткнулись вытянутыми головами друг в друга и, вспенивая таинственно посветлевшие воды, увлеклись прихотливой игрой влюблённой пары. И ясно-ясно донёс до человеческого слуха пусть невнятный, но возбужденно-радостный говор...

Утвердившись на жидких ногах, человек резко развернулся и торопко зашагал к берегу, где угасавший на-нет костерок, выбросив вверх острой стрелой узкое пламя, сам по себе вдруг ярко вспыхнул и жарко разгорался, а ветер, растрепав набирающее силу пламя, подхватил легкую струю белёсого дыма и гнал к морю.

Человек ступил на твердую землю: с мокрых брючин потоком побежала вода. Следом, у самых ног его, выползла из воды узкотелая тварь и черной блёсткой молнией метнулась в прибрежные заросли.

Мужчина того не видел. Он пристально смотрел туда, где, как в чаше, разукрашенной дивной игрой лунного света, ещё мгновение назад предавались любовной утехе дельфины и откуда гулко откатнулись все недавние звуки.

Водная гладь в россыпи звездных отражений упокоилась и пребывала в безмолвии. Сквозь вязкое сознание пронеслось легковесное: примнится же...

Вернулся к камню, оставленному некоторое время назад. Аккуратно встряхнул своё пальто. Проверил наличие паспорта и портмоне: на месте... И столь же аккуратно упрятал их во внутренний карман пальто, которое успел набросить на плечи. Снял мокрые брюки и, по-армейски растянув их на сухих травяных будылях, приладил около разгоревшегося костра сушиться. Голые ступни спрятал в туфли, раздавленные хозяина.

Настаивалась, охлаждаясь, ночь, но человеку все не было холодно. Закутался в широкое пальто. Присел на камень. И, плотно закрыв глаза, провалился в забытье...

Там, где выси высокие, чудные, горные, стеной ограждающие море, зарождался рассвет: едва-едва в светозарной пелене забрезжил свет, как человек, сидящий в малоудобной позе, зашевелился.

И вздрогнул: ранний живой куролик, разорвавший внезапно тишину, вспугнул своей неожиданностью. Пребывая в некотором недоумении, когда спротоночные мысли осаждали мозг лишь одним вопросом: где это он? — осмотрелся.

Расслабленной рукой смахнул остатки сна. Под переключку невидимых, нагло дерущих горло петухов сон развеялся. Машинально облизал сухие, в соленой горечи губы, что тут же и прояснило затуманенное сознание нежеланным воспоминанием дня прошедшего, а в душе меж тем закопошилась та смутная борьба, что тревожила все последние дни.

Против обыкновения последнего времени, проснувшись, он не почувствовал сопровождавшей его постоянно боли. Слабость была, а боли, изматывающей мозг, изнуряющей волю, не было... отступила...

Осмотрелся. На исходе белый ранний-ранний час: скоро-скоро восход! В вышине, где истлевали бледные звезды, небеса, не тронутые ещё утренней зарёй, сияли тихим перламутром.

Утро тихое, чистое. И живительно свеж воздух, пронизанный не столь утренней прохладой, сколь побудительной жизненной силой. Плеском волн, набегающих на берег, напомнило о себе близкое, в легкой кисее тумана море.

Затеплился восток. Вздрогнул алым — и огромный веер золотистого света вспыхнул над горными вершинами, и широкое небо засияло.

Живо поднимающееся солнце сбило-разметало над морем дым-туман. Светло и спокойно бескрайнее море. Пустынно. Безмятежно и величаво. Вздрагивает лишь солнечной рябью водная гладь да у дальней кромки зыбкого горизонта белым крылатым миражом обозначился легкий парусник.

Блеснули спицы огненной колесницы, и покати красавец наездник в ливрее из злат-парчи в долгий путь посолонь, а на земле, приближая новый день, разбегались длинные тени от небесной повозки.

## УТРО НОВОГО ДНЯ

Начинался новый день. Всё вокруг очистилось от ночного мрака, прояснилось и пришло в движение.

Высокие небеса наполнились легкими перистыми облаками, вытянувшимися над морем подвижными воздушными хвостами.

Окончательно проснувшийся человек неспешно надел на себя плохо просохшие брюки и, тщательно присыпав песком кострище, оставил свою ночную стоянку.

Ничего конкретного не решив про себя, он просто, окинув беглым взором пустынное пространство

видимой части пологого берега и обозначив близким ориентиром барашковую вершину одинокой сосны в некотором отдалении, сделал первый осторожный шаг.

Медленно зашагал вдоль берега. Хрустели под ногами мелкие камушки и чувствительно отзывались в туфлях на голых ступнях.

Только ничего этого человек не замечал. Если бы только он мог видеть себя со стороны, то, вероятнее всего, удивился бы тому, что блуждала по его бледному лицу странная мягкая улыбка.

Не менее трудно было бы ему с ходу объяснить самому себе и то состояние невыразимой радости, что теплилась в его притихшей душе.

И вовсе не пугало море. Не тревожило чувств и не будоражило сердце до учащенного биения. Море впечатляло великолепным простором и свежестью утреннего дыхания, исходившего от бескрайних его вод, завораживающих подвижными кругами на солнечно искрящейся глади.

Задержал шаг. Остановился и долго-долго вглядывался в синюю прозрачную даль, вовсе не отдавая себе отчета в том, что, выискивая благодарным взглядом, надеялся вновь увидеть играющих в море влюблённых дельфинов. Тихо и покойно море, и даже трескучие выкрики чаек-охотниц, пёстрыми камнями падающих сверху вниз за нерасторопной рыбешкой, не нарушали покоя и безмолвного величия.

В стороне, куда неспешно двигался, поодаль от берега увиделся бездвижно застывший на волне одинокий челн, в котором за веслами сидел человек, а напротив, у самой кромки воды, кучно толпились люди. Среди них обнаружился милиционер в летней форме и женщина в белом медицинском халате, видимо, фельдшер.

Невольно заинтересовавшись неожиданным зрелищем, мужчина нашел взглядом и «Скорую помощь» с распахнутой настезью боковой дверцей, из которой торчали ноги удачно прикорнувшего на минутку-другую водителя. Автомобиль с красным крестом стоял под той самой сосной с кучерявой разлапистой вершиной, что была определена им за промежуточный пункт в нечетко обозначенном ближайшем пути.

Вид поселчан, собравшихся в столь ранний утренний час на морском берегу, являл людей большей частью случайных и откровенно любопытствующих, зато в сидящем наособицу ото всех крапчатом пёсике неопределенной породы каждый мускул его напряженного тела выдавал его крайнее беспокорство.

Пёс мертво сидел по урезу воды, никак не реагируя на накатные пенные волны, бьющие по голому животу его, и неотрывно смотрел на море. И как только вдали над водой появилась маленькая точка, вынырнувшая из глубины, пёс, радостно-тревожно взвизгнув, мгновенно взвился и, напружинившись

длинным тельцем, ошалело вбежал в воду и выставился острой мордой вперед.

Заметили появившуюся точку и люди. Зашевелились. Зашумели. Пришел в движение на море и одинокий челн. Ходко подгоняемый веслами заскользил навстречу увеличивающейся на водной глади точке. С не меньшим любопытством, сковавшим всё внутри, смотрел в ту сторону и мужчина, определивший во взволновавшей и пса, и людей точке пловца в легком гидрокостюме.

Поравнявшись с ныряльщиком, лодка остановилась: хорошо было видно издали, как на борт из воды загрузили человеческое тело, — и, развернувшись, груженный челн устремился к берегу, где всё пришло в движение. Даже недавно ещё спящий водитель «Скорой», оставив временный лежак, заспешил к толпившимся с носилками в руках.

Вслед лодке, взрезая сильными гребками водную, весело искрящуюся морскую гладь, легко и свободно плыл к берегу аквалангист, а пёс, не сдерживая больше своих собачьих эмоций, восторженно лаял, то возбужденно носясь кругами по берегу, то бешено срываясь в воду.

Лодка причалила. В несколько торопливых рук утопленника вынесли и уложили на приготовленные носилки.

Не замечая того и сам, как и когда подошел, оказалось, что он стоит в непосредственной близости от центра событий, и в тот самый миг, когда несчастного укладывали на носилки, не скрывая от себя своей оторопи, мужчина исподволь бросил косой взгляд на лежащего на земле.

Молнией прошло сознание и помутилось в уме от страшной внезапной мысли, что этим несчастным мог быть он... он — Алёхин Виктор Николаевич... пятидесяти лет от роду... больной человек... смертельно больной человек...

Спасительно шевельнулось крохотной радостью, что пронесло его мимо. И шумно толкалась в голове кровь: не он!.. не он!.. не он!..

Совладав с собой, Алёхин поспешил не просто пройти мимо, а поскорей уйти отсюда, однако он успел невольно отметить, с каким равнодушно-безучастным лицом, не брезгливым даже, склонилась над носилками фельдшер.

Не менее равнодушен и безразличен к несчастному был и местный представитель закона, присевший рядышком с женщиной на корточках.

Непослушно запершило в горле: хотелось срочно откашляться, — и, не выдержав внутреннего раздражения, Алёхин натужно раскашлялся. «Как некстати...» — с отчаяньем укорил себя, потерявшись под беглым взглядом женщины, поднявшей на него глаза, а в глазах пустота — остаток ночи.

Она медленно встала и отошла в сторонку, где стала ждать милиционера, также бросившего на Алё-

хина мимолетный взор и вынужденного тщательно осматривать карманы утопленника, одетого в черный костюм.

— Никаких документов... и, вообще, ничего... — оборвав общее тягостное и неловкое молчание, заключил тот осмотр короткой фразой и подошел к медичке.

Каждый из них заполнил по дежурной бумажке, и, поставив свою закорючку на листке другого, они разошлись, причем всё проделалось торопливо и в полном молчании. Труп несчастного укрыли плотной черной пленкой, и скоро водитель и лодочник с явной неохотой и ленцией потащили потяжелевшие носилки к «Скорой», стоявшей на значительном расстоянии, на взгорье.

Алехин, долгим неотрывным взглядом провожая невольных носильщиков, видел, как те небрежно загрузили скорбную ношу в машину, как громко хлопнули задней дверцей и, задержавшись передохнуть, оба откровенно жадно и глубоко затянулись при первой же затяжке сигареты. И всё произошло быстро, совершенно нехлопотно и буднично.

Неуверенно, скрывая и от себя самого сильнейшее волнение, Алехин прошел сквозь незнакомых, продолжавших с безучастным любопытством толкаться людей. Он намеревался срочно продолжить мысленно проложенный путь к конечному пункту, где надеялся найти временное прибежище.

Только внезапно, будто споткнувшись, неловко качнулся вперед и зацепился взглядом за молодую в длинном, из белого блестящего шелка, плотно облегающем узкую длинную фигуру платье красивую женщину, которая, хотя и стояла вчуже в отдалении, заняла собой прямую линию выбранного Алехиным скорейшего пути в откровенно вызывающей позе.

В душе от той, встревожившей миг встречи врасполох невольно и неприятно всё напряглось: её точное не было здесь до того... не слепой же он...

Решив круто повернуть в сторону, Алехин в некоторой растерянности, однако, замедлил шаг и гипнотически уставился на незнакомку. В упор стильным пронизывающим взглядом темных, резко очерченных по-вороньи глаз на него смотрела и она. Смотрела жёстко, безжалостно и откровенно зло. Не менее мстительно и колко побелели и остро высеченные скулки на высокомерно-красивом плоском лице её.

На берег вышел аквалангист-спасатель. С радостным визгом, в пружинистых наскаках на грудь сбивая с ног, пёсик бросился к нему. Встреча закадычных друзей, заинтересовав, отвлекла, и Алехин, сойдя с мысленно прочерченной линии, ступил на близкую к воде пенистую кромку и медленно пошел туда, где, сняв с ног ласты, аквалангист, не оглядываясь ни на кого, быстро уходил по влажной песчаной кромке берега всё дальше и дальше. Пёс был рядом, не отставая ни на шаг от хозяина и продолжая возбужденно взвизгивать и путаться под ногами.

След в след за ними, поспешая, двинулся и Алехин. Прodelав пять-шесть шагов, он вдруг отчетливо почувствовал обострённой кожей спины колкий недружественный взгляд. Обернулся, но, суеверно медля поначалу, не сразу, — а, обернувшись, вполне ожидаемо столкнулся с высокомерно-раздраженным взглядом, исходившим от пустых захолодевших глаз. Неприятно поёжился, а та, прозрачно-белой рукой дернув с плеч широкий, ниспадающий к долу шарф, резко отвернулась: по прямой спине её подвижно струилась иссиня-черная гладкая коса.

Аквалангист и собака его ходко уходили вперед. Алехин не успевал за ними, и скоро, поднявшись по узкой тропинке крутого склона вверх, где обычным сельским порядком стояли дома, те исчезли.

## ОБРЕТЕНИЯ НОВОГО ДНЯ

Убегающая от морского берега тропинка, по которой перед тем легко и споро поднялись вверх аквалангист и его собака, вся сплошь в зарослях морщинистых жухлых с цепкими колючками соцветий лопухов и кустах осыпающейся сухой пылью седой полыни была узка, крута, — и этим невольно напугала.

Взбираться было тяжело и мучительно. Затаившаяся было на время боль при крутом подъёме сразу напомнила о себе. Шаг за шагом бесконтрольно возбуждаясь не столько жалостью к себе, сколько раздражаясь на тугую ломкую болезнь, полностью подавившую его сознание и волю, и путаясь в собственных мыслях, как то было с ним накануне, Алехин потихоньку начинал ненавидеть себя. Предательски одна за другой напоздали длинные, тягучие, опасные мысли, и не было сил прогнать их, а чужой, ехидный голос, ядовито выгрызая нутро, нагло и звучно пробивался до слуха:

«Ну что, сбежал, да? Сдрейфил? А план-то как хорош был... предельно прост и продуман до мелочей... Струсил? Струсил... И чего испугался? Конца?! Только в итоге конец всегда один и тот же — изъеден ты рыбами или в земле червями... Ничего нового... Ждешь, когда боль окончательно расплющит и ты превратишься в овощ...»

В тесной груди задышливо спеклось... Застыдившись горьких, набегающих помимо его воли мыслей и с усилием заглушив чужой голос, Алехин, преодолевая тугую, пронизывающую боль, с трудом сделал шаг вперед... и ещё... ещё... — и оглянулся: далеко внизу, где волны, полные плотной воды, почерневшей на солнце, с шумом накатывали на песчаный берег, острым ликующим блеском ожило море.

В вышине, высвободив небесную синь, рассыпались хвостатые облака на лоскуты легкой вуалькисеи, и солнце, не уступая знойной силе-мощи недавнего времени, щедро лило-заливало лучезарным светом озолоченную осенними красками землю.

Широко и просторно море, до краев наполненное гоном возбуждённых чаек, рокотом пенных волн, зыбкими миражами белокрылых парусников, замаячивших по далекой линии синего горизонта, а в самом центре наблюдаемого обзора в вольном движении, как будто вытанцовывая древний ритуальный танец, кружилась большая стая дельфинов.

Зрелище очаровывало и магически притягивало взор. Наблюдая за дельфинами, Алёхин передохнул и неспешно вышел на тихую сельскую улочку. Прошел чуть и уверенно свернул в ближайший проулок...

Он наново повторил путь более двадцатилетней давности.

Тем ярким и жарким июльским днём они впервые семейно выехали на море. Выехали опрометчиво — вольными «дикарями».

Протасившись несколько муторных часов от железнодорожного вокзала на трясом автобусике, по дружеской наводке они спешили забраться подальше в глубь, где, как подсказали опытные доброхоты, и море почище, и отдыхающих поменьше, и отдых подешевле...

Автобус, высадив их единственных на полупустой сельской площади, объявленной для них конечной остановкой, уехал восвояси, а они, ориентируясь на маршрут, тщательно вычерченный картографом, сослуживцем капитана гвардии Алёхина, долго шли по незнакомой и неприветливой местности.

Они и море обнаружили не сразу, а всё шли и шли. Потом был вот этот плетень, вовсе не изменившийся за прошедшие годы, разве что обветшал и более почернел, да не висели сейчас на нём длинным рядом для просушки пестрые домотканые половички.

Кажется, что вот именно на это место он и бросил тогда большую дорожную сумку и плотно набитый рюкзак. Приняв из рук жены трехгодовалую дочку, враз устало склонившую пушистую головку на крепкое плечо отца, Алёхин отчаянно подтолкнул Ирину вперёд. Та, приподнявшись на цыпочках, несмело заглянула за плетень. Осторожно выкрикнула:

— Может, есть кто-то? Отзовитесь!..

Во дворе было пусто, и никто на её робкий зов не отозвался. Ирина в растерянности обернулась к мужу, которому и объяснять ничего не надо было: он всё и так понял... Меж тем во дворе появился сонный парень в спортивных штанах, белой майке и тапках на босу ногу.

— Хозяев нет дома, но я точно знаю, что у них всё занято. Даже две раскладушки в саду стоят... — сообщил им парень весьма довольным голосом и retirался.

Что делать дальше, новоиспеченный капитан гвардии просто-напросто не знал. Не пряча близких слёз, вопросительно-осуждающе смотрела на него

жена. Хорошо, что хоть утомившаяся дочурка невинно спала на плече растерянного папки.

— Похоже, что всё село уже обошли? Нет мест... И у меня нет... — женский мягкий голос внезапно раздался за их спинами.

Обернулись разом. Вмиг проснулась и девочка в белой панамке. На них оценивающе смотрела молодая женщина. Только ни капитан, ни жена капитана и тем более дитё капитана не нашлись, что сказать в ответ, дружно промолчали, да и чем могли бы они объяснить своё недоумение от обнаруженного несоответствия с утверждением, что «там и отдыхающих-то почти не бывает... место тихое... и море чистое близко...»

Место и впрямь было тихим... чересчур тихим...

Хозяйка — а они сразу догадались, что это так — прошла мимо и, глубоко вздохнув-выдохнув, проявила к ним вдруг деятельное сочувствие и, распахнув настежь калитку, приглашающим жестом позвала:

— Заходите!

Они не сразу и поняли, что прозвучавшее приглашение обращено было к ним, а она радушно продолжила:

— Считайте, что вам повезло... Муж эти дни в море, на путине... Дочку я к себе возьму, а вам её комнату отдам...

Вот и сейчас овеванный добрыми воспоминаниями Алёхин, высматривая через плетень знакомый, аккуратный, с летними пристройками дом, видел, что двор пуст. Сквозь щели обветшавшего плетеного забора пустым виделся и озлащенный осенним солнцем сад с догорающими ягодными кустарниками и фруктовыми деревьями.

Ошибся: в саду кто-то был. И тогда, отдышавшись после крутого подъема, Алёхин решительно открыл калитку и на усталом полувздохе окликнул с надеждой:

— Есть кто живой?!

Во дворе появилась пожилая женщина. Она, сосредоточенно сощуриив глаза, пристально вгляделась в того, кто стоял в проёме открытой калитки.

— Здравствуй, Протасовна! — почтительно произнёс усталым, но однозначно старательным голосом Алёхин, узнавший прежнюю хозяйку, хотя годы чувствительно изменили её и состарили.

Иссеченное дрогнувшими морщинками смуглое лицо женщины озарилось искренней улыбкой, а васильково-прозрачные глаза целомудренно засветились радостью, — она вспомнила его.

Радостью на то узнавание отозвалась и его насто-рожённая душа. Затеplилась обнадёживающе, и отпустило сковавшее нутро напряжение. Хозяйка поспешила навстречу неожиданному гостю, а тот, застыдившись легко обнаруживаемой своей немощи, смутился и намертво застрял в калитке.

Суетливо обтерла о края толстой кофты руки и, протянув ему ладонь с назелёнными травой паль-



цами, приветливо произнесла мягким взволнованным голосом:

— Узнала! Узнала! Здравствуй, дорогой мой! Здравствуй! Чё торчком торчишь тут? Проходи!

Пропуская гостя вперед, она отступила на шаг, однако задержалась. Её внимание отвлек прозвучавший где-то совсем рядом стук чужой калитки, и на улице появился недавний аквалангист: крапчатая собачонка и сейчас ни на шаг не отставала от него.

Одет молодой мужчина был по-летнему, налегке, в черные спортивные брюки и черную же футболку, плотно облегающую мускулистое тело.

— День добрый, тётъ Том! — бросив по ходу на Алёхина, одетого в широкое пальто, любопытный взор, приветливо сказал он и быстро прошел мимо.

— И тебе, Серёженька, день добрый! — проводив соседа затяжным взглядом, Протасовна обратилась к гостю огорошившим его вопросом: — И кого там вытащили?

Знобко полоснуло по пугливо вздрогнувшему сердцу: он понял, о чем это, — вынужденно выдавил из себя:

— Мужчину... кажется...

Подавленно и задумчиво женщина отозвалась на его уточнение:

— Упокой, Господи, душу раба Божия... имя его Тебе, Господи, веси... — Сложив кривые, избитые работой пальцы в мелкую шепоть, она широко перекрестилась и, выждав короткую паузу, заключила печально: — Сергей без работы не сидит... Известно: большая вода шалостей не любит... — И тут же сменила резко тональность и звучно скомандовала: — И чё стоим! В дом! В дом!

Алёхин, с облегчением перестраиваясь внутренне и сам, отреагировал более, чем оживлённо:

— Вот только я не успел поинтересоваться: на постой, хозяйшкa, не примешь ли?

Протасовна подхватила его легкий тон и непринуждённо сообщила:

— Так ведь мест-то нет! Всё занято курами-петухами... Но ты, любезный мой, заходи! Заходи! Может, чё и придумаем!..

Ничего за годы не изменилось и в уютной, как прежде, опрятной горнице, куда ввела внезапного постояльца хозяйка, встретившая его столь радушно. Он с ходу, не напрягая особо память, с некоторым даже умилением отметил про себя, что вон и дутые, открыточные шкатулочки из папье-маше стоят на комодe, и те же причудливым рисунком выстроенные на машинке белые занавески висят на окнах: даже не менее причудливое слово «ришелье» вспомнилось вдруг.

Ничего...

Единственно, что успел отметить, так это появление в восточном углу комнаты широкой полочки с рядом икон, перед которыми на длинной цепочке

висела, тонко изливая неугасимый свет, синего стекла лампадка. И еще Алёхина догадливо насторожил портрет, с которого на него приветливо смотрел хозяин дома. Портрета, он точно помнил, никогда не было... Точно помнил, что было вон то двойное фото молодых жениха и невесты...

Когда Протасовна на улице бросила своё «узнала! узнала!» — то он, поначалу поверив в это, сейчас вдруг засомневался в правдивости тех слов: мыслимо ли упомянуть всех тех, кто когда-то, пусть и не по разу, побывал здесь в качестве сезонного отдыхающего?

Скоро, однако, щедро и хлебосольно накрыв стол, хозяйка сказала:

— Виктор! Давай-ка живо за стол! — и тем как бы пристыдила за неверие, а тут ещё, выставив большое блюдо с золотистыми слитками позднего винограда, со знанием дела добавила: — Иринка твоя, помнится, этот виноград очень любила... — и, смягчая голос на полутон, зорко гляделась в молчаливо сидящего на диванчике Алёхина, поинтересовалась прямо: — Нынче-то как она? Здорова ли? Девочки как? Верно уж, совсем невесты стали...

Столь неожиданная и откровенная сопряженность прошлого и настоящего невольно обескуражила, а Протасовна в доказательство надежности и точности своей памяти продолжила:

— У меня ж тут... — она, пройдя комнату по диагонали, сухой, луковичного цвета рукой ткнула на стенку, где жирной цифирью значился номер телефона, и даже посетовала с заметно угадываемой в голосе обидой: — Доча как-то была проездом в Москве... Наказала ей — позвони хорошим людям! Позвонила, а ей ответили, что тут таких нет...

— Так то ж был номер телефона квартиры, где мы в коммуналке жили! — поспешил оправдаться Алёхин. — Мы свою квартиру получили...

Он хотел было добавить еще и то, что скоро и время наступило такое, что не до югов было, а только бы как-то выжить, — но промолчал.

— Ну, рази так... — смилостившись, женщина вздохнула: смуглые щечки её слегка зарумянились и дрогнули. Повторила услужливо: — Садись! Садись!

— Неудобно как-то... Заставил беспокоиться... — уклончиво пробормотал Алёхин на настойчивое приглашение.

Он понимал: делать вид, что неголоден, — глупо, однако, искренне испытывая нечаянно образовавшуюся вину перед любезной хозяйкой, которая не просто узнала его, а, как оказалось, хранила памятью его живой образ, попытался уклончиво отнекаться — и само собой сказалося:

— Не хочу... сыт вроде...

— Смотрите-ка на него: не хочет он! — живо всплеснула Протасовна руками. Оживилось и её лицо: мелкие морщинки разгладились, — и она, вроде как интонационно намекая на нечто конкретно известное не только ему, но ведомое и ей, отвердевшим

голосом иронично произнесла: — Только сыт-то с чего? С морского воздуха аль с соленой водички, звать...

Алёхин, пристыдив себя за то, что ровно ждёт особого обхождения, быстро оставил диванчик и пошел к столу.

— Усаживайся! Усаживайся, где тебе глянется! — дружелюбно подсказала женщина, контролируя каждое его движение.

— Какой праздничный стол! — с восхищением воскликнул гость, расположившись во главе стола, куда в самый последний момент подтолкнула его Протасовна и где, как вспомнилось, постоянно в прежние времена восседал хозяин дома.

— А может, и правда у меня сегодня праздник?! — Круглое лицо женщины открыто и радостно светилось. Она быстро села напротив него и продолжила оправдательной скороговоркой: — Ведь одинокому человеку любая живая душа — в радость! Ты не стесняйся — накладывай себе... накладывай, на что глаз ляжет...

А есть точно хотелось! Ой, как хотелось! Глазами готов был проглотить всё, что можно ему и что — нет. Одно смущало: сама хозяйка к своей тарелке притронуться не торопилась.

Видя, что гость сидит скромно и смелости не проявляет, она подхватила и без слов просто и привычно наполнила снедью его тарелку с горкой.

Вернулась на место: что-то быстро-быстро положила себе.

— Раньше тут весело жили, что зимой, что летом, — проговорила с нескрываемой тоской и жалостью. — И чужих принимали, и своих не забывали. А нынче что? Понастроили границ... Летошный год вовсе людей не видели... — Смахнула набежавшую слезу и суетливо бросила: — А ну их всех — к бису! Давай-ка, Виктор, мы с тобой выпьем! Выпьем за счастье! За самое простое, самое обыкновенное счастье... — Она разлила по пузатым фужерам янтарно-желтое вино. — А какое оно: маленькое ли, большое ли — и не важно... Оно у каждого своё... Главное, чтоб счастье... чтоб душе легко и радостно было...

Протасовна сидела спиной к окнам, выходящим в сторону моря, а там, на необозримом просторе, под солнцем, легким крылом, притягивая взор, сверкнул-поманил белый парусник.

Алёхин отлично понимал, что отмолчаться не удастся: её простота, непостижимая в своей глубине, покоряла. Он первым поднял полный искристого вина фужер и, встав, решительно произнёс:

— За счастье?! Согласен!

Твердым шагом направился к хозяйке, волосы которой отливали тусклым серебром, и та с радостью подхватила навстречу. Встретились на полпути.

— За счастье — так за счастье! — И они весело чокнулись.

Хрустальный звон переливчатым эхом прокатился по дому, в котором необычайное и ужасное оди-

ночество, как догадался, единственно стояло здесь всецезонно на постое...

Расслабившись и усмирив в душе всяческие сомнения и надоевшие изрядно запреты, Алёхин бесконтрольно навалился на еду.

Расслабилась и Протасовна, так до сих пор сама ни к чему и не притронувшаяся. Она с особым вниманием и искренней заботой наблюдала за гостем.

Сидеть молча у неё не получилось, и она, понизив голос, сообщила:

— У меня сёдня сон был в руку: гостя ждать, — и кошка моя вчера всё гостей намывала... всё намывала... Ты, говорю ей, лапы-то от усердия не сотри...

Бусая кошка, мирно спавшая на явно персональном креслице, моментально отреагировала на упоминание хозяйки о ней. Подняла головку. Серые, как чистая сталь, глаза её сверкнули: мол, подтверждаю всё сказанное. Домашняя животинка приподнялась на лапах. Изогнулась дугой длинным телом, развернулась и, свернувшись калачиком, заново погрузилась в свои кошачьи сны.

— А ты ешь! Ешь! Не стесняйся! — торопливо подсказала хозяйка мимоходом гостю, открыто потерявшему аппетит. Пояснила озабоченно: — Всё домашнее... всё своими руками сготовленное... Может, невкусно?

— Нет-нет! Всё замечательно... всё вкусно... — Вспыхнувшая было утраченная радость от вида сытной еды скоро сдулась, и он, преодолевая себя, нехотя ковырял вилкой в тарелке. С трудом уклончиво выдавил из себя в оправдание извиняюще: — Просто едок я стал никакой... вовсе едок плохой...

Протасовна, васильковые глаза которой заметно потускнели, деликатно не спешила проявлять любопытство. Лишь, пытливо вглядываясь в него, настойчиво сказала:

— Ты всё-таки хоть через силу, а ешь... Тебе надобно наедаться! Ты, как помню, всегда справный был... в силе был мужчина... А нынче что? Кость одно!

Благодарный за чуткость, Алёхин поспешил отшутиться:

— Кость да жила — гольная сила...

Лоснилось синевой на солнце широкое море за окнами. Притягивала картинка взор, а Протасовна, словно и не замечая натужно прозвучавшей шутки, перехватила его устремлённый взгляд за её спину, где видно было море, довольно произнесла:

— Погода нынче на славу удалась — украсливая... Лето краешком задержалось — теплом балует... Отдохнешь... окрепнешь... и заздоровится тебе... Ешь! Ешь давай! Не бойсь — меня не объешь! Я готовить люблю... всю жизнь любила... У меня и муж... помнишь ли его? — Торопливым кивком Виктор Николаевич подтвердил, что «да». — Ой, какой хлелбосольный был!.. Царство ему Небесное... — И снова старательно осенила себя широким крестом.